

С О О Б Щ Е Н И Я

С. А. АРУТЮНОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В ЯПОНИЮ

В июне-июле 1960 г. в соответствии с соглашением между Институтом этнографии АН СССР и Токийским государственным университетом мне была предоставлена возможность посетить Японию. Основной целью моей поездки было изучение современного быта японцев и айнов, а также ознакомление с состоянием и общей постановкой научной работы в области этнографии, археологии и древней истории в Японии.

Со знакомства с деятельностью японских научных учреждений я и начал свою работу в Токио¹.

Этнографические, археологические и антропологические исследования в Японии ведутся самостоятельно соответствующими кафедрами и факультетами, а также специальными научно-исследовательскими институтами, входящими в состав отдельных университетов, как государственных, так и частных. Там, где специальных кафедр нет, как, например, в Саппоро, эта работа зачастую ведется на медицинских факультетах в связи с антропологией. Исследовательская деятельность отдельных университетов сильно разобщена, руководство со стороны министерства просвещения ограничено. Архивные, фотографические материалы и коллекции рассредоточены по отдельным университетам. При этом, по ряду причин, ознакомление не только с уникальными коллекциями и материалами, но даже с книгами, хранящимися в одном университете, бывает сильно затруднено для сотрудников других университетов.

Координировать деятельность ученых, работающих в одной отрасли науки, но в разных университетах, призваны научные общества этнографов, археологов, антропологов, фольклористов и т. д. Однако в отличие от университетов такие общества лишены достаточных финансовых средств и помещений. Поэтому их организующая роль незначительна.

Японское этнографическое общество издает журнал и имеет музей, находящийся в Хоя, пригороде Токио. Но из-за недостатка средств вместо четырех номеров журнала в год обычно выходят два сдвоенных². Музей в Хоя по той же причине имеет лишь двух-трех штатных сотрудников и, располагая обширными коллекциями, лишен не только достаточной экспозиционной площади, но и удовлетворительного хранилища.

¹ В ознакомлении с научными учреждениями японской столицы мне оказали большую помощь научный сотрудник Института восточной культуры Токийского университета Ехэй Каяма и глава кафедры этнографии того же университета Эйитиро Исида.

² Содержание журнала освещено нами в обзоре: «По страницам журнала японских этнографов», «Сов. этнография», 1958, № 5, стр. 173.

Несмотря на сложные условия работы и недостаток средств, японские этнографы, антропологи и археологи ведут очень интенсивную исследовательскую работу, собирают обширные коллекции и выпускают в свет весьма ценные работы. Работы эти посвящены в основном этнографии японцев и айнов. В последние годы было осуществлено и несколько зарубежных экспедиций — в Непал, в Камбоджу, Лаос и к индейцам Андского нагорья.

Растет интерес японских этнографов и к изучению советской этнографии, конкретных этнографических проблем народов СССР. Эти новые для сегодняшней Японии интересы распространены в основном среди этнографов-студентов, которые, как правило, хорошо владеют русским языком. Больше всего их интересуют этнография и языки народов Дальнего Востока и Севера — нивхов, кетов, чукчей, эскимосов.

Среди старшего поколения японских этнографов преобладают концепции венской школы и модернизированного диффузионизма. Однако часто разные исследователи, употребляя одинаковую терминологию, вкладывают в нее совершенно разное содержание. На практике последнее чаще всего проводится деление на этнографию своего народа и этнографию остальных народов, причем первая дисциплина, носящая также название «фольклор», включает почти все явления духовной культуры.

С другой стороны, на методологических установках младшего поколения японских этнографов, на круге их научных интересов начинает сказываться влияние американской этнографии: в научный обиход входят такие понятия, как модель культуры, этнопсихология, бихевиоризм. Это сказывается и в том, что старые устоявшиеся термины «миндзокугаку» (этнография) и «дзинруйгаку» (антропология) заменяются кальками с американских терминов «культурная антропология» и «физическая антропология». Причина этого проста: японские этнографы часто получают от американских учреждений субсидии на поездку в Америку. В другие же страны они ездят редко за отсутствием средств. Вместе с тем и американские ученые приезжают в Японию на несколько лет, включаясь на это время в работу соответствующих кафедр.

При очень углубленном и тщательном изучении духовной культуры своего народа, причем преимущественно пережиточных явлений в ней, японские этнографы уделяют мало внимания изучению материальной культуры. Данные по жилищу собираются и публикуются, как правило, краеведами в отдельных местностях. По одежде есть крупные специалисты, но они тоже, не являясь по образованию этнографами, изучают свой предмет в основном с описательно-прикладной точки зрения.

Изучение айнов ведется в аспекте и духовной и материальной культуры. При этом опять-таки основное внимание уделяется фиксации явлений уже не встречающихся в быту айнов, но еще сохраняющихся в памяти стариков. Изучением же современного состояния айнов в Японии этнографы не занимаются, считая, что японизация айнов зашла так далеко, что тут уже нечего изучать.

В связи с проблемой этногенеза японцев и, в частности, с вопросом о наличии палеолита в Японии, особенно интересны для меня были встречи со специалистами смежных с этнографией дисциплин. Проф. Сэридава, считающийся ведущим специалистом по японскому палеолиту, полагает, что в Японии уже выявлены памятники как верхнего (Камияма, Гяусуяма), так и нижнего (Ивадзюку, Гонгэнъяма) палеолита. Однако ряд ученых выражает сомнение в принадлежности этих памятников, особенно последних, к палеолиту, и вообще в наличии в Японии палеолита. Так, австрийский ученый Г. Мелихар, работающий сейчас в Токийском университете, указывал мне, что сходство орудий типа Ивадзюку с палеолитическими чисто поверхностное, а вопросы стратиграфии, доказывающей их древность, слабо разработаны.

Действительно, когда мне представилась возможность посетить раскопки, проводимые в Иокогама С. Вадзима, я мог наблюдать превосходные многометровые разрезы грунта с обнажением всех слоев — выше всех мягкого аллювия, содержащего керамику, а в нижней своей части микролитические орудия мезолитического облика, рассматриваемые многими японскими учеными как верхнепалеолитические. Слой вулканического пепла отделял идущий ниже аллювий Татикава от ничем, кроме, разве, плотности, от него не отличающегося стерильного аллювия Мусасино, ниже которого якобы залегали памятники Ивадзюку. Но дело в том, что в районах обнаружения этих памятников нет датирующих прослоек пепла и принадлежность аллювия к тому или иному этапу определялась щупом по плотности, что никак нельзя считать достоверным.

В области неолита японские археологи больше всего увлечены сейчас поисками генетических связей между культурами дзёмон (японский неолит) и культурами Сибири. В Институте Яката С. Умэхара показывал мне обнаруженный в северной Японии бронзовый нож, могущий считаться идентичным ножам карасукского времени и имеющий много каменных имитаций в позднем японском неолите.

Сейчас нельзя, конечно, отрицать, что материковые влияния какими-то путями проникали в Японию уже в неолите, но доказательства генетической преемственности культур дзёмон от культур Сибири еще не представляются достаточно убедительными.

Очень интересный материал собран японскими археологами по древним культурам Хоккайдо. Здесь обнаружены культуры, совершенно отличные от культур дзёмон, хотя и синхронные поздним и позднейшим из них. Эти культуры — охотскоморская, Моёро, Эсан и другие — легче всего сближаются с древнеэскимосскими. В них присутствуют поворотные гарпуны, много своеобразных резных костяных изделий. Носители этих культур антропологически сближаются некоторыми учеными, как С. Кодама, с алеутами, но с этим положением не все согласны.

Среди японских лингвистов, занимающихся проблемами, связанными с этногенезом японцев, в частности вопросами истории японского языка, ведущее место занимают С. Оно и С. Хаттори, усматривающие его родство с корейским. Южные связи японского языка изучает Х. Идзуи.

Из числа ведущих японских антропологов я встретился с М. Кохама (Осака) и С. Кодама (Саппоро).

Однако чрезвычайно интересные встречи и беседы, часто сопровождавшиеся ознакомлением с различными коллекциями, занимали в моей работе лишь второстепенное место. На первом плане стояла основная задача — непосредственное изучение современного быта японцев.

За два месяца пребывания в Японии мне удалось ознакомиться с бытом японского и айнского населения целого ряда районов — Канто (вокруг Токио), Кинаи (с городами Киото, Осака, Нара), Мияги (с городом Сэндай), Хоккайдо. В рамках краткого информационного сообщения невозможно исчерпывающе изложить результаты этих наблюдений.

Самое характерное, что не может не отметить этнограф в любом пункте нынешней Японии, — это своеобразное сочетание, взаимопроникновение и в конечном итоге — синтез черт культуры, восходящих к многовековому традиционному наследию японского народа, с явлениями и элементами культуры, проникшей сюда из Европы и Америки за неполное столетие, прошедшее со времени революции 1868 г., а преимущественно за последние десятилетия и даже годы.

Этот синтез, это взаимопроникновение не бросаются в глаза: напротив, поверхностного наблюдателя скорее поражает кажущаяся контрастность, резкая грань между традиционным и новым, между «азиат-

ским» и «европейским». Эта грань видна еще с птичьего полета при подходе к Токио. До сих пор из полутора десятков миллионов жителей этого единого городского массива, включающего, помимо столицы с пригородами, еще и города соседних префектур — Кавасаки, Иокогама, Итикава, Кавагути, лишь ничтожный процент живет в так называемых «апато» (от англ. apartment) — современных многоквартирных домах. Среди безбрежного моря деревянных одноэтажных или двухэтажных

Рис. 1. Дом горожанина в Нара

домиков, пронизанного лабиринтом переулков, как острова встают прямоугольные кварталы 8-9-этажных современных бетонных зданий — банков, отелей, контор, кинотеатров, универмагов. Впрочем, универмаг в Токио — это комбинат, включающий и несколько закусовых и столовых, и концертный зал, и выставочные залы, где экспонируют свои произведения скульпторы, художники и мастера того специфически японского искусства, которое называется «икэбана» и состоит в умении красиво составить букет цветов.

Японское искусство проговорчиво и многообразно, как сама жизнь Японии.

На выставках можно увидеть картины, вполне подобные создававшимся и двести, и триста лет назад. К сожалению, гораздо больше творений эпигонов всех модных «измов» Запада. Но есть и третья линия в искусстве, одновременно и национальная и современная, в которой изобразительные приемы Запада сочетаются с использованием японских материалов — конопляной бумаги, туши, золотых блесков и красок на желатине или, наоборот, в исполненную в европейской масляной технике картину вводится вертикальная перспектива; почти всегда такое сочетание бывает не механическим и случайным, но глубоко целесообразным и оправданным.

И даже в икэбана — этом канонизированном и рафинированном в течение столетий искусстве — можно заметить явно привнесенные черты.

Во многих странах Востока непроходимая пропасть отделяет космополитический быт господствующих классов от быта трудящихся масс. Не так в Японии. Имущественные контрасты колоссальны, но общие принципы организации быта сохраняются. Капиталист живет в роскошном особняке, крестьянин — в крытом соломой маленьком домике. Но большая часть стен и там и тут состоит из «сэджи» — раздвижных рам, оклеенных бумагой, которая иногда заменяется стеклом (рис. 1). В обоих домах пол покрыт циновками (разумеется, разного качества). Там и тут едят палочками из пиалы блюда одной и той же национальной кухни — в доме богатого буржуа много сырой рыбы, печеных моллюсков, «сукияки» — тонких ломтиков жареного мяса, и относительно немного вареного риса и квашеных овощей. В рабочих и крестьянских семьях едят в основном рис и квашеные овощи, иногда рыбу, по большим праздникам — сукияки.

Поэтому можно сказать, что модернизация быта касается всех слоев общества, но протекает в разных случаях различно. Больше всего специфические черты этой модернизации проявляются, конечно, в столице.

Токио — это котел, где перемешиваются выходцы из всех областей Японии, это громадный город с бешеным темпом жизни, и о его толчее, шуме, переполненности не могут дать представления самые людные улицы наших крупнейших городов. Но стоит свернуть в сторону с забытых машинами магистралей, чтобы заблудиться в извилинах тихих переулков, таких узких, что иногда нужно прижиматься к стенам, чтобы дать проехать автомашинам, появляющимся здесь, по счастью, редко (рис. 2).

Люди, проходящие по этим улицам, одеты в основном «по-европейски». Правда, ни в одной стране Европы не увидишь матерчатых шляп и кепок такого покроя, как в Японии. Равным образом в Европе не делают таких широких задников у ботинок, не комбинируют с портмоне кожаных рожков для надевания обуви. В Японии же то и другое необходимо — ведь на циновки не ступишь обутым, и многим приходится переобуваться раз по двадцать на день. Но это, конечно, незначительные детали.

Служащие ходят на работу, одеваясь исключительно по-европейски, более того — обязательно в белой сорочке и с галстуком. Рабочие же одеваются иначе (рис. 3).

В синтоистских храмах можно видеть, как девушка в брюках и с модной прической входит в боковой придел и вскоре выходит в алтарь с распущенными волосами и в пурпурно-белом одеянии жрицы. Впрочем, буддийские священники везде ходят в своих церковных костюмах со знаками сана. Кроме них, мало кто из мужчин выходит в Токио на улицу в кимоно. Напротив, в курортных городках и таких центрах туризма, как Киото, особенно летними вечерами, на улицах очень много мужчин, одетых по-японски. Большой частью на них легкие «юката», входящие в комплект постельного белья, предоставляемого гостиницей постояльцу. И, придя домой, как правило, все переодеваются в кимоно, которое, таким образом, для мужчин является сейчас исключительно одеждой отдыха и досуга.

Другое дело женщины. Правда, и они почти никогда не ходят в кимоно на работу, за исключением случаев, когда этого требует род работы — например, у продавщиц в магазинах японского платья, у служащих гостиниц. Но домохозяйки предпочитают постоянно одеваться по-японски, хотя кимоно стоит значительно дороже, чем кофта и юбка. При работе по хозяйству или отправляясь за покупками, они поверх платья

Рис. 2. Переулок в Токио

Рис. 3. Рабочая семья на магистральной улице Токио

надевают белый фартук-халат (рис. 3). Наконец, кимоно служит излюбленным праздничным и выходным нарядом.

Исключительно интересное и новое явление представляют собой виды верхней одежды, надеваемые на кимоно. Просторные кофты «хаори» и раньше бытовали в Японии, но только недавно их стали шить из ажурных тканей или костюмного сукна, снабжать карманами, пуговицами и хлястиками, т. е. совершенно несвойственными японскому костюму деталями (рис. 4). При всем том общий покрой их не меняется, в частности, сохраняются мешкообразные продолжения рукавов, куда заправляются провисающие рукава кимоно.

Такой же покрой рукавов характерен и для женских кимоно-пальто. Их шьют из плотной, часто непромокаемой ткани и надевают в ненаст-

Рис. 4. Группа женщин, одетых в кимоно, хаори и дзори на улице курортного городка Ноборибэцу, о-в Хоккайдо

ную погоду; они короче кимоно, без пояса, застегиваются на пуговицы, а на спине имеют некоторый припуск, чтобы вместить большой бант «оби» — пояса кимоно. Таким образом, это совершенно новый и своеобразный вид одежды, который нельзя назвать ни традиционным, ни, тем более, европейским.

Мне почти никогда не встречалось сочетание европейской обуви с японской одеждой, зато множество людей, одетых по-европейски, обуты в деревянные гэта или сандалии «дзори», сделанные из более пластичных материалов — кожи, соломы, резины. Особенно элегантны женские дзори, которые сильно отличаются от своего старинного прототипа. Их делают на каучуковой подошве, на высоком каблучке, с различием для правой и левой ноги, что опять же не свойственно старой японской обуви (рис. 4).

Мне удалось побывать во многих японских жилищах — в домах крестьян, рабочих, представителей интеллигенции, мелкой и крупной

буржуазии. Здесь многое изменилось по сравнению с классическим японским домом середины XIX в., хотя основные принципы сохранились. Промасленная бумага, как уже говорилось, уступает место стеклу — в городах в значительной мере, в деревнях — лишь изредка.

По циновкам в японском жилище принято ходить в одних носках. Однако в городских домах значительная часть дощатого пола теперь ничем не покрывается (в богатых домах иногда покрывается ковром). В этом случае, сняв обувь при входе в дом, входящий надевает туфли-шлепанцы, которые в свою очередь снимает, переходя в помещение с циновками.

В мебелировке жилых помещений кровать мне почти нигде не встречалась. Японцы всех классов по-прежнему и спят на полу, постелив матрац, и обедают сидя на полу за очень низким столиком. Интересно, что обеденный стол и стулья больше вошли именно в крестьянский, а не в городской быт. В деревне стол со стульями нередко ставят в кухне на земляном полу. Японский крестьянин, трудящийся день напролет без отдыха, приходит с поля домой на обед с ногами, выше колена измазанными в иле, от которого не спасают и высокие резиновые сапоги. Чтобы не терять времени на разувание и мытье ног, он наскоро обедает на кухне и снова идет в поле.

Однако небольшой письменный стол со стулом часто встречаются во внутренних комнатах, если среди обитателей есть интеллигент или учащийся. Раньше за низким столом было удобно писать длинной, вертикальной кистью. Кистью изредка пишут и сейчас, есть даже «вечные кисти», устроенные по схеме авторучек, однако в основном кисть вытеснена стальным пером, а чтобы писать им не горбясь, нужен высокий стол.

Человек, идущий по проезжим городским улицам, видит не совсем такие дома, как в переулках: здесь в нижнем этаже чаще всего помещается лавочка, мастерская, закусочная; дома эти кажутся построенными из камня или бетона, но на деле у них та же каркасно-столбовая деревянная конструкция, что и у сельских японских домов. Из бетона, вместо дерева, сделаны разве лишь низенькие, меньше метра, сваи, которые несут на себе каркас и настил и снаружи не видны. Стена же, кажущаяся каменной, всего лишь покрыта искусно отделанной штукатуркой.

В таких домах крыша иногда бывает не из черепицы, а из жести. Однако на стыках всех четырех скатов обязательно делаются рельефные утолщения, имитирующие черепичный шов. В отличие от старинного японского дома, со всех сторон здесь стены с окнами. Однако каждое окно в миниатюре повторяет раздвижные «сёдзи»: рамы и ставни не навешены на петлях и могут убираться в продолжающий окно ящик — выступ стены. В старом доме это был не выступ, а целая глухая стена, полая внутри.

Успеху исследования быта сельского населения, особенно в префектуре Нара, существенно способствовали любезное содействие Сёдзэн Накаяма, главного консультанта Японского этнографического общества и куратора Университета Тэнри и Института Яката, также находящегося в г. Тэнри, и дружеское теплое отношение трудящихся японской деревни к представителю советского японоведения. Японцам вообще присущи гостеприимство, вежливость, предупредительность, но обычная корректная любезность почти всегда сменялась другим, гораздо более душевным и даже несколько взволнованным отношением, когда хозяева узнавали, что я приехал из Советского Союза.

Гораздо более, чем домашний быт, изменились в японской деревне за последние годы занятия населения. Рисоводство и овощеводство,

правда, сохраняют прежнее значение, но некоторые трудовые процессы механизированы. Так, наряду с мотыгой и плугом, влекомым волом, чаще всего на поле можно увидеть небольшую моторную фрезу (рис. 5). Для подачи воды наряду с вращаемыми текущей водой и даже педальными нориями употребляется моторная помпа. Однако целиком ручной

остается наиболее трудоемкая операция посадки риса — «тауэ». Моя поездка в Нара выпала как раз на этот страданный сезон, и повсюду под моросившим муссонным дождем на полях виднелись фигуры крестьян в их конических шляпах и накидках из обшитого клеенкой тростника, смеявшихся старинные плащи из соломы (рис. 6).

Шелководство, некогда игравшее такую большую роль в японской деревне, сейчас почти сошло на нет, не выдерживая конкуренции синтетического шелка. Амбары со стеллажами для червей используются по другому назначению или заброшены. Тутовые деревья на межах вырублены и заменены фруктовыми.

С недавних пор в пищевой рацион японца начали входить молоко и молочные продукты. На дверях многих домов в городах приделаны ящички, куда по утрам разносчики кладут крошечные бутылочки с молоком или еще более крошечные баночки простокваши. На улицах торгуют мороженым, в дешевых закусокных — молочными коктейлями. С другой стороны, тягловая сила скота все более заменяется механической. В этой связи животноводство в японской деревне приняло молочное направление.

В деревне Таварамото (рис. 7) я остановился в доме зажиточного крестьянина Мураи. Это богатое хозяйство — оно имеет двухколесный ручной трактор, около трех гектаров земли и восемь коров. Семья Мураи состоит из него

Рис. 5. Поля риса и таро на равнине Канто. Работа с моторной фрезой

Рис. 6. Крестьяне в дождевых накидках, производящие посадку риса на полях равнины. Кинаи, преф. Нара

самого, его отца, удалившегося по старости от дел и уступившего положение главы семьи сыну (японский обычай «инкё»), матери, сына, жены сына и внучки-школьницы. Работают в поле, таким образом, трое — хозяин, сын и сноха, а мать занимается домашним хозяйством. Кроме того, есть две батрачки.

Это высокотоварное хозяйство: в семье каждый потребляет только по стакану молока в день, молочных продуктов не производится, а почти весь надой реализуется в кооперативном порядке. Большая часть кормов — жмыхи, комбикорм, рыбная мука — закупается, в самом хозяй-

стве заготавливаются только такие корма, как солома, ботва, выполотые сорняки. Возделываются рис, огородные культуры, кукуруза, имеется плодовый сад, дающий товарную продукцию, и чайная плантация, продукция которой перерабатывается на собственной маленькой чайной фабрике, занимающей один из амбаров большой усадьбы.

Несмотря на небольшие размеры земельных участков, японские крестьяне стремятся вести многоотраслевое хозяйство, чтобы застраховать себя от возможного неурожая или низких цен на какие-либо виды продукции.

Майорат после войны формально отменен, но карликовые наделы практически дробить невозможно. Поэтому младшие сыновья, как и прежде, оказываются избыточным населением в деревне. В горных деревнях они пытаются заработать на жизнь такими промыслами, как, например, разведение золотых рыбок на экспорт; чаще же такие лица уходят в города, где, не имея жилища, вливаются в ряды бездомного люмпен-пролетариата.

Несколько лучше положение жителей равнинных деревень. При большой густоте населенных пунктов в равнинных районах Японии избыточное население деревень здесь находит, хотя и не всегда, работу в ближайших городах. Живя в деревне, эти люди ежедневно ездят на велосипеде до ближайшей станции пригородной электрической дороги, и сдав велосипед, поездом едут в город. В промышленных районах центральной Японии трудно найти деревенский дом, где один из членов семьи не работал бы в городе. Понятно, что это способствует урбанизации быта, привычек, психологии и у крестьянской части населения деревни.

Та перенаселенность Японии, о которой так часто приходится слышать от японских и других буржуазных экономистов, действительно в ряде мест существует и даже принимает катастрофический характер, но в той же Японии на острове Хоккайдо мне часами приходилось ехать по заросшим кустарником равнинам, где, насколько хватал глаз, не виделось признаков жилья. Эти земли — районы вулканических почв и торфяники — отнюдь не бесплодны: при радикальных мелиоративных мероприятиях — внесении удобрений, дренировании — они могут давать высокие урожаи. Когда во время беседы в редакции газеты «Хоккайдо симбун» я спросил, почему эти земли не используются, мне ответили, что для мелиорации требуются капиталовложения, на которые крестьянин не способен. Даже ссудой, даваемой на десятилетний срок, он не может воспользоваться, ибо капиталовложения здесь не могут быстро окупиться. Таким образом, перенаселенность Японии существует лишь в силу господства капиталистических отношений.

Остров Хоккайдо вообще резко отличается от остальной Японии и по ландшафту и природным условиям, и по быту его населения. Жители Хоккайдо до сих пор называют остальную Японию «найти» — метрополией. Население здесь смешанное, вместо обычных для японской де-

Рис. 7. Улица в деревне Таварамото, преф. Нара

рвни дробных диалектов здесь везде распространен стандартный литературный язык. Сам облик поселений совершенно не японский — это отдельные хутора, очень похожие по застройке на американские фермы, с высокими железными крышами и мансардами, с хлевами и силосными башнями. В сельском хозяйстве преобладают посевы пшеницы, картофеля, ячменя; основная тягловая сила — лошади. Внутри же дома традиционная японская обстановка в общем сохраняется, хотя открытый очаг здесь заменяется печкой-временкой.

На Хоккайдо живет около 16 000 айнов — остатки коренного населения острова. Больше половины этого числа сосредоточено в провинции Хидака. Я побывал там в айнских поселениях Ниптани и Сидзунаи.

Такие места, как Ниптани, раньше считались глухими «медвежьими углами». Сейчас там есть регулярное автобусное сообщение, электричество, соседний бывший айнский поселок Биратори превратился в небольшой городок с преимущественно японским населением, с несколькими лавочками и кинотеатрами. Но до той ассимиляции айнов с японцами, о которой говорят японские этнографы, очень далеко.

Правда, внешне быт айнов и японцев одинаков, и отличить айна от японца можно не по одежде или прическе, а лишь по специфическому антропологическому типу. Впрочем, смешение зашло очень далеко, и в Хидака много японцев-полуайнов и айнов-полуяпонцев.

Национальная дискриминация, официально давно отмененная, на деле все еще сильна. Практически она сильнее всего проявляется в вопросах найма и брака. Айну труднее найти работу по найму, чем японцу, а общественное мнение отрицательно относится к женитьбе японца на айнке. Выход японки замуж за айна не вызывает такой реакции в связи с существующим в Японии до сих пор принижением положением женщины.

Айны и айнки стараются скрыть свое происхождение и по возможности приблизить свой облик к облику японцев. Любопытно отметить, что, если японки, в старину выбривавшие свои и без того слабо растущие брови, сейчас обычно подрисовывают, то многие айны, в том числе мужчины, часто выбривают свои очень густые брови, оставляя лишь тонкую полоску, как у японцев. Равным образом прекратилось среди айнов и ношение бороды.

В деревнях со смешанным населением обычно легко отличить айнскую усадьбу от японской, но лишь потому, что айнская почти всегда бывает несравненно беднее. Средний жизненный уровень айнов на Хоккайдо значительно ниже общеяпонского, тогда как жизненный уровень японцев на Хоккайдо самый высокий в Японии.

Правда, форма соломенной крыши теперешних айнских жилищ обычно бывает такой же, как и в традиционном айнском доме, но это объясняется дешевизной такой крыши (рис. 8). В тех случаях, когда у айнов достаточно средств, они предпочитают возвести крышу японского типа, лучше сохраняющую тепло и противостоящую дождю.

Любопытно, что японские крестьяне на Хоккайдо заимствовали айнскую форму крыши, но сооружают ее только на нежилых строениях. Жилые дома японцев на Хоккайдо крыты преимущественно жестью или дражкой.

Говорят по-айнски только старики, молодежь часто совсем не понимает айнского языка. Из обычаев и верований в быту сохраняются лишь некоторые, и то спорадически. Так, например, мой информатор в Ниптани, айн Каяно, имеет дом, в общем одинаковый с японским. Но для маленьких детей его семья применяет «синта» — старый айнский тип колыбели. В задней комнате дома Каяно имеется «камуи пояра» — священное окно, «вход богов». Но, как мне сказал сам Каяно, в моем лице он впервые впустил в эту комнату постороннего человека. В другом посещенном мною доме не было заднего окна, но имелись священные па-

лочки «инау». Они тоже находились в задней комнате. Постороннему наблюдателю, не пользующемуся доверием айнов, такие вещи не показываются. Самое же главное — что айны осознают себя особым народом; особым народом считают их и окружающие японцы. Поскольку слово «нихондзин» (японец) обозначает теперь вообще гражданина Японии и применимо и к айнам, японцы на Хоккайдо называют себя, чтобы отделить от айнов, древним термином «вадзин» — люди Ва.

В области духовной культуры наибольшую сложность среди изучавшихся мною во время поездки проблем представило выяснение совре-

Рис. 8. Айнская деревня Ниптани, о-в Хоккайдо

менного состояния религиозных верований в Японии. После войны в этой области произошли большие изменения. Самое важное то, что ортодоксальный синтоизм (который я, следуя японской традиции, буду называть храмовым синто) отошел далеко на задний план с позиций государственной, обязательной для каждого верноподданного религии.

Современные японцы в массе мало религиозны. Однако при собственных японцам уважении и любви к традициям, привычные обряды выполняются большинством неуклонно. Весь комплекс похоронных обрядов связан с буддизмом, который распадается на множество мелких сект. Но, кроме случаев похорон и поминок, японец редко вспоминает о том буддийском храме, прихожанином которого он зарегистрирован. Домашний буддийский алтарь связан не столько с культом Будды, сколько с культом предков. Каждый японец — последователь любой буддийской секты — тем самым одновременно принадлежит к последователям храмового синто, ибо эти две совершенно различные религии взаимно дополняют друг друга; в доме, где есть алтарь Будды, непременно в другом углу есть и божница синтоистского культа. В отличие от буддийских, синтоистские храмы не имеют четко определенного прихода, и верующие ходят в любой храм и по любому поводу, чаще же всего без повода, просто отдохнуть и погулять, ибо храмы обычно окружены красивым садом. Помимо просто молящихся, чаще всего можно встретить в храмах матерей с детьми. Обряды показа новорожденного божеству и низведения благодати на ребенка, пожалуй, исполняются здесь чаще других. Свадьбы при храмах — явление, распространяющее-

ся все шире, хотя обрядово японская свадьба вообще с религией не связана. Просто устройство свадьбы при храме позволяет сократить расходы, устроить не столь обильное угощение и в то же время провести свадьбу в обстановке достаточной торжественности.

Каждый храм имеет свои храмовые праздники, во время которых устраиваются пышные церемонии, процессии с барабанным боем, с вы-

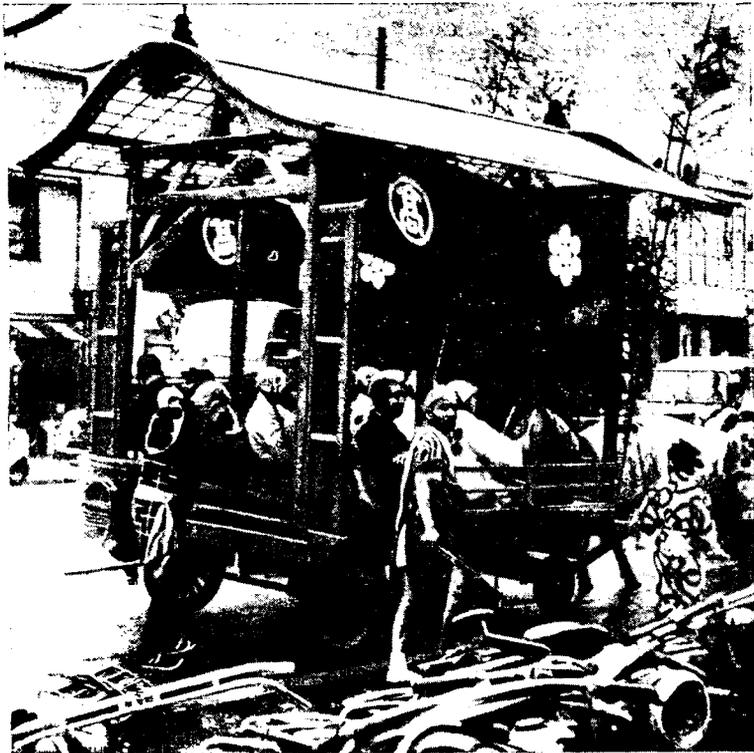

Рис. 9. Храмовый праздник в Токио

носом божества на паланкине (рис. 9). Молодежь, даже совершенно нерелигиозная, часто охотно принимает в них участие просто ради развлечения.

Значительно меньшее число японцев принадлежит к так называемым синтоистским сектам. Все эти секты возникли не ранее прошлого века. Обрядность они заимствовали в основном из храмового синто, в котором она, отметим попутно, сильно различается между отдельными храмами, так как храмовое синто выросло из локальных шаманских культов. До войны эти секты считались ответвлениями храмового синтоизма и организационно входили в его систему. Однако по своей догматике и по канонам они представляют собой совершенно особые религии, а в последние годы и в организационном отношении пользуются полной независимостью.

Кроме того, среди японцев есть и некоторое число христиан различных толков. Больше всего католиков, но немало и протестантов, а в Хакодатэ я видел православный храм, где и священник, и весь приход — приблизительно двадцать семей — японцы.

Формально принадлежность к христианству или сектовому синтоизму несовместима с отпращиванием буддийских или храмово-синтоистских обрядов. Практически же в наиболее известные синтоистские храмы

приходят не только сектанты, но даже и христиане. У разных синтоистских сект свои погребально-поминальные обряды и обособленные кладбища, но вместе с тем в доме новообращенного сектанта иногда мне встречался буддийский алтарь: приняв новую веру, обращенный не всегда сразу решается порвать с традиционными формами культа предков и перенести таблички с их именами в алтарь нового для него божества. Как я мог заметить на Хоккайдо и в пригородах Токио, влияние христианских и сектантских миссионеров здесь растет за счет падения влияния буддизма. Дело в том, что люди, переселившиеся сюда из разных деревень, уже не в состоянии поддерживать связь со своим приходом, найти же аналогичный храм своей, обычно малочисленной, секты в районе нового обитания не всегда возможно.

К сожалению, в двухмесячный срок невозможно было охватить полностью хотя бы крупнейшие районы; необследованными остались острова Кюсю и Сикоку, запад Хонсю, а на севере Хонсю я смог бегло ознакомиться лишь с районом Сэндай. Тем не менее мне удалось собрать значительный материал для дальнейшей работы, чем я полностью обязан любезному содействию и помощи моих японских коллег, а также тому пониманию моей работы и готовности ей содействовать, которые проявили мои информаторы — представители трудового народа Японии.
